

Методологический разум и искусственная история как оправдание Иуды: генеалогия одного предательства

Цой Л.Н. – канд. соц. наук.

Введение

22 июня 2022 года, спустя четыре месяца после начала специальной военной операции на Украине, российский философ и методолог Петр Георгиевич Щедровицкий дал интервью, в котором публично осудил действия России и заявил о прекращении всякого сотрудничества с российскими правительственными учреждениями.¹ К этому моменту за плечами мыслителя была долгая карьера в качестве советника полномочного представителя Президента РФ, заместителя директора Института философии РАН, члена Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации и заместителя генерального директора госкорпорации «Росатом». Его биография представляла собой классический путь представителя советской и постсоветской интеллектуальной элиты, интегрированной в структуры государственного управления.

Однако к осени того же года ситуация приобрела трагикомический оттенок двойного отчуждения: в октябре 2022 года Международная рабочая группа по вопросам санкций Ермака – Макфола включила Щедровицкого в список «пропагандистов и идеологов войны», а в январе 2023 года он был внесен в санкционный список Украины как «один из разработчиков концепции „Русского мира“». Философ, порвавший с российскими госструктурами, оказался заклеен как агент кремлевской пропаганды на Украине и, по имеющимся данным, переехал в Латвию – страну – члена НАТО. Этот парадоксальный маршрут – от московского методологического кабинета до рижской самоизоляции на фоне геополитической катастрофы – ставит перед исследователем вопрос, выходящий далеко за рамки политической публицистики: **как формируется мышление, способное в момент экзистенциальной опасности для собственной страны занять позицию внешнего наблюдателя, а затем и активного оппонента?**

Настоящая статья посвящена не столько биографической реконструкции, сколько интеллектуальной генеалогии этого выбора. Объектом анализа выступает текст Петра Щедровицкого «Зиновьев и Щедровицкий: чему нас может научить опыт самоопределения двух отечественных философов второй половины XX века?», представляющий собой развернутый комментарий к наследию восемнадцати русских мыслителей – от В.И. Вернадского и Н.А. Бердяева до А.А. Зиновьева и Г.П. Щедровицкого. За внешней канвой историко-философского обзора скрывается сложная конструкция интеллектуальной идентичности: автор выстраивает собственную родословную, отбирая и интерпретируя идеи предшественников таким образом, чтобы обосновать право на «искусственную историю» – право мыслителя стоять над «естественным» течением народной жизни и творить реальность по законам методологического разума.

Цель данного исследования – выявить те смысловые узлы, концептуальные заимствования и логические конструкции, которые, будучи извлеченными из текстов русских философов, сформировали оптику Петра Щедровицкого и предопределили его самоопределение. Нас будет интересовать не столько то, что говорили Лосский, Франк, Шестов или Богданов сами по себе, сколько то, **как их идеи преломляются в методологической призме указанного автора**, какие проблемы он высвечивает, а какие

¹ДРУГОЙ «РУССКИЙ МИР» ПЕТРА ЩЕДРОВИЦКОГО: МЕТОДОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕМОНТАЖА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА https://m.ok.ru/group/54101822275708/topic/154669318357884?_dp=y

оставляет в тени. Критический анализ этого текста позволяет увидеть, как методологический инструментарий, унаследованный от отца – Георгия Петровича Щедровицкого, создателя системомыследеятельностной методологии, – в сочетании с избирательной трактовкой русского философского наследия приводит к формированию особого типа сознания: сознания «инженера истории», для которого понятия Родины, жертвы и долга оказываются лишь материалом для конструирования, а не бытийственными основаниями.

В фокусе исследования – ключевая антитеза текста: противопоставление «естественной» и «искусственной» истории, восходящее к лекциям Г.П. Щедровицкого 1969 года, где Маркс критикуется за непоследовательность, а «идеологам» и «реформаторам» вменяется право на целеполагание вопреки стихийному ходу вещей [18]. Именно эта идея, как будет показано, становится концептуальным мостом, по которому автор переходит от анализа философских дискуссий 1920-х годов к оправданию собственного отстранения. Драма русского интеллигента, изгнанного или уехавшего, обретает здесь новое измерение: это уже не трагедия изгнания, а триумф методологического превосходства, за которым, однако, угадывается экзистенциальная пустота.

Настоящее исследование выполнено в жанре философской критики и опирается на методологию историко-философской реконструкции в сочетании с герменевтическим анализом текста. Задача состоит не в моральном осуждении, но в том, чтобы обнажить внутреннюю логику интеллектуального пути, итогом которого стало предательство – не в уголовно-правовом, а в метафизическом смысле слова: отказ от со-бытия с собственным народом в час испытания, возведенный в принцип «искусственного» существования.

Аналитика самоопределения как ключ к политическому выбору

В серии публикаций, озаглавленных «Зиновьев и Щедровицкий: чему нас может научить опыт самоопределения двух отечественных философов второй половины XX века?»,² Петр Щедровицкий предлагает читателю нечто гораздо большее, чем простой историко-философский обзор. Перед нами – сложно сконструированный текст, который лишь на поверхности является анализом идей 18 русских мыслителей. По сути, это манифест интеллектуальной идентичности, тщательно выстроенная автобиография мышления, замаскированная под «групповой портрет в интерьере» позднего СССР. Задача данного исследования – выявить, на какие идеи опирался Петр Щедровицкий, что скрыто за его анализом, и как сформировалось мышление человека, который, по меткому выражению одного из оппонентов, делает «селфи на фоне гения», а затем использует этот культурный капитал для работы против страны, породившей этих гениев.

Мы должны ответить на вопрос: как философ, столь глубоко погруженный в русскую интеллектуальную традицию, в момент экзистенциальной опасности для России оказался по ту сторону баррикад? Ответ лежит не в плоскости сиюминутных политических решений, а в глубинных структурах его методологического самоопределения, сформированного задолго до событий на Украине.

1. Методологический фундамент: СМД-подход как технология дистанцирования

Петр Щедровицкий – не просто исследователь, а прямой наследник и главный апологет системомыследеятельностной (СМД) методологии своего отца, Георгия Петровича Щедровицкого. Этот подход, зародившийся в стенах Московского методологического кружка, является ключом к пониманию его оптики. В своей статье «Типологический

² https://vk.com/@shchedrovitskiy_public-33-zinovev-i-schedrovickii-chemu-nas-mozhet-nauchit-opyt-sam

метод и гуманитарное знание» Петр Щедровицкий четко определяет свою позицию: методологическое мышление рассматривается им как инструментальная техника, призванная синтезировать различные типы мышления (философию, науку, инженерию).

Именно эта инструментальная установка становится той призмой, через которую он рассматривает наследие русских философов. Он не «вслушивается» в их бытийственные вопросы, а «препарирует» их концепции как материал для решения методологических задач.

- **У С.Л. Франка** он заимствует не столько идею «всеединства» или религиозного преображения жизни, сколько формальное определение философии как «учения о целом мировоззрении», которое можно рационально обосновать и построить [27]. Франк для него – ценный источник для конструирования системы знания, а не исповедующий мыслитель.
- **Из работы Н.О. Лосского** его интересует не столько интуитивизм и «умозрение», сколько методологическая установка на различение видов интуиции и строгое описание гносеологической координации [30].
- **У В.И. Вернадского** он выхватывает идею «научного мировоззрения» как динамичной структуры, формирующейся в борьбе и взаимодействии с философией и религией, но в его интерпретации она превращается в схему взаимодействия различных «ведомств» духовной деятельности [35, 25].

Эта методологическая оптика создает эффект постоянного отстранения. Щедровицкий-младший смотрит на историю философии как на набор кейсов, из которых можно извлечь эффективные техники мышления. Такой подход, блестящий с академической точки зрения, имеет одну фундаментальную слабость: он формирует привычку к «позиции над схваткой». Философ превращается в наблюдателя, который видит «механизмы» и «техники» там, где другие видят трагедию, веру и жертву. Это мышление, ориентированное на анализ, а не на со-бытие.

2. Концепт «искусственной истории» и самоопределение вне народа

Центральным в представленном тексте является пространное рассуждение Г.П. Щедровицкого о «естественной» и «искусственной» истории, которое Петр Щедровицкий приводит в самом начале. Это, пожалуй, самый важный ключ к пониманию его собственного мировоззрения. В этом отрывке Георгий Петрович, анализируя Маркса, ставит под сомнение фатализм «естественно-исторического процесса» и утверждает право (и даже обязанность) выдающихся личностей, «идеологов», ставить «всеобщие цели» и творить историю «искусственно», вопреки стихийному течению [18].

Для Петра Щедровицкого эта идея становится не просто философским тезисом, а программой действий. Весь его анализ русских философов – это поиск подтверждений тому, что мышление способно не только отражать реальность, но и создавать новую. Он ищет инструменты для «деятельностной ассимиляции истории» [18].

Рассмотрим его трактовку позиций других мыслителей через эту призму:

- **А.А. Богданов.** Анализируя «Тектологию», Щедровицкий выделяет в ней именно организационный, конструктивный момент. Богданов для него – гениальный предтеча, создавший язык для описания любых систем («комплексов») и доказавший, что организация (и дезорганизация) – универсальные принципы бытия [61]. Это созвучно идее «искусственной истории»: мир пластичен, его можно и нужно переорганизовывать.

- **«Механисты» (И.И. Скворцов-Степанов) и «диалектики» (А.М. Деборин).** Щедровицкого интересует сам конфликт как столкновение разных способов мышления. Он не занимает чью-то сторону, а фиксирует, как одна группа (деборинцы) проигрывает, потому что не владеет в полной мере техниками политической и организационной борьбы. Это урок для него: чистая теория бессильна без «искусственного», то есть организационно-деятельностного вмешательства [20, 7].
- **Л.И. Шестов.** Казалось бы, алогичный и экзистенциальный Шестов – полная противоположность методологу. Но Щедровицкий и его рассматривает как фигуру, демонстрирующую мощь «своеволия» мысли. Шестов, отрицающий власть разума, на свой лад тоже творит «искусственную» реальность, отказываясь подчиняться очевидностям [31, 51].

В этой оптике место философа – всегда вне толпы, вне «естественного» течения. Он – инженер, конструктор, «демиург» новых реальностей. Идея интеллектуального элитизма, которую П. Щедровицкий унаследовал от отца, здесь получает свое историко-философское обоснование. Из анализа русской мысли он выносит убеждение: подлинный мыслитель (идеолог, методолог) не связан узами «естественной» общности, он действует в горизонте «искусственного», то есть создаваемого им самим мира.

3. Диагностика катастрофы: Уроки подавления философии

Большой блок текста посвящен «разгрому философии» в 1920–1930-е годы. Щедровицкий подробно цитирует И. Яхота и А. Огурцова, воспроизводя их анализ того, как живая философская мысль была подавлена идеологией и политическим террором [21, 25, 20, 7]. Он показывает, как понятие «идеология» стало инструментом уничтожения инакомыслия, как борьба на философском фронте подменилась политическими доносами, как партийное руководство навязывало науке чуждые ей схемы.

Какой урок извлекает из этого Петр Щедровицкий?

1. **Государство (в его советской, имперской форме) – враг свободной мысли.** Тотальная политизация, попытка подчинить философию интересам «естественно-исторического» процесса (строительства социализма) ведет к интеллектуальной деградации и репрессиям. Этот нарратив глубоко укоренен в его сознании.
2. **Интеллигенция обязана защищать свою автономию.** Урок, вынесенный из судеб Вернадского, Лосского, Флоренского (и даже отчасти Зиновьева, ставшего изгоем), – необходимость сохранять независимость мышления любой ценой. Цена может быть любой – вплоть до эмиграции.

Здесь мы подходим к главному противоречию. Анализируя трагедию 1920–1930-х годов, Щедровицкий полностью солидаризируется с теми, кто был изгнан или уничтожен. Но он не замечает (или игнорирует) принципиальную разницу контекстов. В 1920-е годы из страны изгоняли цвет нации на «философском пароходе», люди, чьи интеллектуальные корни уходят в ту самую русскую почву, добровольно покидают страну, чтобы работать против нее в военное время. Его философия «искусственной истории» и «автономии мысли» абсолютизируется до права на интеллектуальный коллаборационизм. Методологическое дистанцирование превращается в моральное и гражданское.

4. Антитеза Зиновьев – Щедровицкий и судьба русского интеллектуала

Центральная композиционная ось текста – сравнение Зиновьева и Щедровицкого-старшего. Петр Щедровицкий выстраивает свою генеалогию, отдавая предпочтение отцу.

- **А.А. Зиновьев** представлен как блестящий, но одинокий аналитик, чья «логическая социология» и литературные произведения стали инструментом критики советского «человека» [4, 8]. Его путь – путь изгнанника, публициста, моралиста, который извне обличает пороки системы. Его мышление все еще привязано к объекту критики, к тому самому «человеку».
- **Г.П. Щедровицкий**, напротив, показан как конструктор, создатель языка и техник («социология» которого «мало кому известна»). Он не критикует старую реальность, а строит новую – методологическую, мыслительную [18]. Его путь – путь «идеолога интеллигенции», создающего элитарный клуб творцов «искусственной истории».

Петр Щедровицкий, безусловно, видит себя продолжателем дела отца. Он не Зиновьев, который «страдает» по России и пишет романы о ее бедах. Он – методолог, который готов работать с любой реальностью как с материалом. Показательна его автобиографическая заметка, где он описывает свой переход от консультирования в образовании к политическому консалтингу и работе в различных регионах и странах. Для него нет сакральной связи с Родиной, есть пространство для приложения методологических техник.

5. От анализа к действию: Формула предательства

Итак, как сформировалось мышление Петра Щедровицкого, позволившее ему предать Россию? Наш анализ выявляет несколько ключевых факторов, коренящихся в его интеллектуальном багаже:

1. **Методологический инструментализм.** Привычка рассматривать всё (включая историю, культуру и политику) как материал для конструирования и арену для применения техник мышления неизбежно ведет к эрозии ценностных связей. Страна превращается в «объект», «систему», «комплекс», но перестает быть «родиной».
2. **Идея «искусственной истории» и элитизм.** Убеждение в том, что подлинный мыслитель (методолог) стоит над «естественным» потоком жизни и имеет право (и обязанность) создавать новую реальность, снимает моральный запрет на разрыв с этой жизнью. Если я – творец, а не часть толпы, то мои отношения с народом и страной всегда опосредованы и условны.
3. **Абсолютизация опыта подавления философии.** Урок, вынесенный из трагедии 1920–1930-х годов, был воспринят не как призыв к диалогу с властью и обществом, а как индульгенция на перманентную оппозицию. Государство, особенно в его «имперском» изводе, всегда воспринимается как угроза, а не как форма бытия народа.
4. **Выбор традиции.** В споре Зиновьева и Щедровицкого он выбрал Щедровицкого – конструктора, а не страдальца. Но, выбрав путь «чистого конструирования», он лишил себя права на ту самую боль, которую испытывает Зиновьев при взгляде на разрушаемый «человек».

6. Методологическое движение и распад СССР: роль ОДИ и позиция Петра Щедровицкого

Анализ биографии Петра Щедровицкого обнаруживает важный хронологический нюанс, требующий уточнения. Его активная работа в структурах государственного управления приходится не на период распада СССР (1991 год), а на постсоветский период, начиная с 2000-х годов, когда он стал советником полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко [28]. Однако вопрос о связи его деятельности с разрушением СССР имеет глубокий концептуальный смысл, если рассматривать не столько его персональную биографию тех лет, сколько роль организационно-

деятельностных игр (ОДИ) и методологического движения в целом в процессах перестройки и трансформации советского общества.

Сам Петр Щедровицкий в начале-середине 1990-х годов был постоянным участником Аналитической группы Внешнеполитической ассоциации («Группа Бессмертных») [29], то есть его карьера как эксперта и консультанта началась уже после исчезновения СССР. Но инструментарий, с которым он пришел во власть, – системомыследеятельностная методология и практика ОДИ – формировался в недрах Московского методологического кружка в 1980-е годы и сыграл определенную роль в идеологической подготовке перестройки.

6.1. Организационно-деятельностные игры как феномен позднего СССР

Организационно-деятельностные игры были созданы Георгием Петровичем Щедровицким в 1979 году как форма коллективного мышления и деятельности, направленная на решение сложных проблем [16]. В интервью 1990 года сам Г.П. Щедровицкий так характеризовал значение ОДИ: «Я оцениваю проведение ОДИ как очень большое социальное и социокультурное действие. Была найдена организационная форма, которая была внедрена в социальную и культурную жизнь страны. Сложился определенный спрос на ОДИ, существует рынок ОДИ» [28].

Участниками игр становились представители разных профессий – от инженеров до чиновников. Игротехники (ведущие) выступали в роли модераторов, помогая участникам осваивать новые способы мышления. Одна сессия могла длиться неделю, люди работали по пять часов сна, настолько увлекаясь процессом [30].

6.2. ОДИ как «инженерия перестройки»

Ключевой для понимания роли ОДИ в распаде СССР является характеристика игротехников как «инженеров перестройки» или «прогрессоров». Исследовательница И.В. Жежко-Браун в статье «Игровое движение ДО и ПОСЛЕ перестройки» (2023) отмечает: «Методологи начали свою социально-инженерную деятельность в период перестройки. Статья анализирует игру на РАФе (1987), где в рамках выборов директора завода прорабатывалась тема демократизации. Игротехники выступали в позиции "инженеров перестройки", или "прогрессоров", и предложили свою интерпретацию демократизации, которая, как показала практика, оказалась нереализуемой в советской жизни» [30].

Таким образом, ОДИ стали полигоном, где отрабатывались модели демократизации, выборов, коллективного принятия решений – то есть тех механизмов, которые затем, в более широком масштабе, были применены в политической трансформации страны.

6.3. Политическая функция игр по версии Г.П. Щедровицкого

В том же интервью 1990 года основатель методологического движения прямо говорит о политическом измерении ОДИ: «Игра переводит людей из процессов функционирования в процессы развития. ОДИ проблематизирует традиционные основания и традиционные ценности жизни, и именно в этих рамках она есть средство политического воздействия. (...) в ходе распространения и развития ОДИ эта функция отодвинулась на задний план, и главной стала другая: функция политической соорганизации людей и функция творения идеологии или идеологических установок коллектива. И это, на мой взгляд, много важнее всяких научных назначений» [28].

Г.П. Щедровицкий также высказывался о необходимости многопартийной системы и прямо связывал будущее методологии с политической деятельностью: «Я полагаю, что страна подошла к такой точке, когда её дальнейшее развитие может происходить только на основе многопартийной политической системы. <...> Да. И, прежде всего в том, чтобы способствовать становлению различных политических партий. В этом я вижу важную задачу ОДИ» [28].

6.4. Петр Щедровицкий и его позиция в 1990-е

После смерти отца в 1994 году Петр Щедровицкий стал главным популяризатором и наследником методологического наследия. В 1990-е годы он работал экспертом Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ), участвовал в аналитической группе Внешнеполитической ассоциации [29]. Это было время, когда методологический инструментарий начал применяться в реальных управленческих и политических консалтинговых проектах.

Как отмечает издание «Дождь», «с главой Администрации президента Сергеем Кириенко Щедровицкий-младший познакомился в середине 90-х, еще до его четырехмесячного премьерства. А уже в 1999 году он стал одним из идеологов кампании по выборам Кириенко в мэры Москвы и членом избирательного штаба "Союза правых сил"» [29]. Этот момент можно считать точкой входа методологов в реальную политику: от игровых экспериментов 1980-х – к прямым политическим технологиям 1990-х, и далее – к встраиванию в государственные корпорации и структуры управления в 2000-е.

6.5. Историческая оценка: успех или поражение «прогрессоров»?

Жежко-Браун дает жесткую оценку результатам деятельности методологов в перестроечный период: «Игровое движение закончилось в конце 1990-х. Среди внешних причин остановки движения были непродуманность программы перестройки, развал СССР и курс на укрепление нового российского государства. Среди внутренних проблем: неправильное понимание игротехниками ситуации в стране, неадекватность предложенного механизма изменения социальной и политической природе российского общества, подмена понятий демократии и демократизации управленческими понятиями. Это закончилось коммерциализацией игрового движения, сращиванием его с властными структурами, обслуживанием государства и различных социальных движений. Методологи продемонстрировали свою несостоятельность в роли "прогрессоров" и в этом смысле разделили судьбу советской интеллигенции» [30].

Философ Александр Морозов в статье «Жмых путинизма» предостерегает от преувеличения роли методологов: «Несколько выходцев из кружка действительно работали политтехнологами в 90-е гг. и позже. Но многие целиком ушли в систему образования, в индустриальный менеджмент. <...> Те, с кем говорил Андрей Перцев – Илья Кукулин, Глеб Павловский, Марат Гельман, Виталий Куренной и др. – в целом дают совершенно реалистичную картину роли методологов в современной политике. Она была очень мала» [31]. Морозов также указывает на важное различие между оригинальными концепциями и их последующим использованием: «Концепция "русского мира", которую он [Ефим Островский] разрабатывал вместе с Петром Щедровицким в конце 90-х гг., имела совершенно другой смысл, чем концепция, на которую опирается Кремль в своей политике» [31].

6.6. Выводы: роль Петра Щедровицкого и ОДИ в распаде СССР

Прямое влияние Петра Щедровицкого на разрушение СССР отсутствует хронологически: в 1991 году ему 33 года, он только завершает аспирантуру и входит в экспертные круги. Однако косвенное влияние методологического движения в целом на процессы перестройки и демократизации представляется значимым. ОДИ выполняли следующие функции в позднесоветском обществе: инкубатор новых элит (через игры прошли тысячи людей, в том числе будущие политики и управленцы); полигон демократических процедур (выборы директора завода на игре 1987 года были моделью того, что позже произошло в масштабах страны); идеологическая подготовка (Г.П. Щедровицкий прямо говорил о функции «творения идеологии» и необходимости многопартийности); формирование управленческого языка (понятия «самоопределение», «рефлексия», «деятельность», «проблематизация» вошли в лексикон элит).

Существует глубокая историческая ирония в том, что методологи, разрабатывавшие инструменты демократизации и «перестройки», впоследствии оказались востребованы именно как технологи управления в вертикали власти, выстроенной уже после крушения СССР. Петр Щедровицкий, начинавший как участник интеллектуального к 2000-м годам стал советником в госкорпорациях и полпредстве. Наиболее точную оценку, вероятно, дала Жежко-Браун: методологи разделили судьбу советской интеллигенции – от эйфории «прогрессорства» в перестройку к коммерциализации и обслуживанию государства в постсоветский период [30]. Инструменты, созданные для освобождения мышления, стали инструментами управления. Петр Щедровицкий в этой драме сыграл роль передающего звена: он консервировал и транслировал методологическое наследие отца, адаптировал его для корпоративных и государственных заказчиков и, в конечном счете, оказался заложником той самой логики «искусственной истории», которую сам же и обосновывал.

Заключение: Интеллектуальный Суд над методологическим разумом

Мы прошли путь интеллектуальной генеалогии, который привел нас из методологических кабинетов Московского кружка 1960-х годов — через организационно-деятельностные игры перестройки, через элитарные семинары 1990-х, через корпоративные и государственные структуры 2000-х — в рижскую квартиру человека, наблюдающего за гибелью своей страны из страны НАТО и находящего для этого философское оправдание. Этот путь был выслан благими намерениями, блестящими текстами и безупречной логикой. И тем страшнее его итог.

Петр Щедровицкий проделал колоссальную работу по осмыслению наследия русских философов. Его анализ точен, его эрудиция безупречна, его методологическая оптика отточена до хирургической остроты. Но именно эта оптика, позволившая ему рассмотреть в русской философии «механизмы», «техники» и «инструменты», сделала его слепым к главному: к тому, что русская философия всегда была не набором методов, а способом существования. Не технологией мышления, а исповедью духа.

Здесь обнажается трагедия «методологического» сознания, оторванного от бытийственных корней. Сделав самоопределение и конструирование главными категориями, Щедровицкий-младший незаметно для себя вынес за скобки такие «неконструктивные» понятия, как жертва, долг, любовь к отечеству и со-страдание. Они не вписывались в его схемы. Они не поддавались операционализации. Они были артефактами прошлого, которые методологический разум отбросил как ненужный хлам.

Но история не прощает пренебрежения к своим артефактам. Они возвращаются — в виде крови на границах, в виде пепла сожженных городов, в виде того самого выбора, перед которым оказался философ весной 2022 года. И тогда выясняется, что методология бессильна. Что «деятельность над деятельностью» не отвечает на вопрос: во имя чего? Что

«искусственная история», творимая по законам методологического разума, оборачивается историей искусственной — то есть фальшивой, не настоящей.

Перед нами не просто политическое бегство и не просто смена места жительства. Перед нами метафизическое дезертирство — уход из бытийственного пространства собственного народа, совершенный задолго до физического отъезда. В тот момент, когда методолог утвердил себя в позиции «над схваткой», когда Россия стала для него «объектом», «системой», «материалом» — в тот момент он уже покинул Родину. Латвия была лишь географическим оформлением давно состоявшегося разрыва.

В этом смысле фигура Иуды, вынесенная в название статьи, обретает не конфессиональный, а строго философский смысл. Иуда — не предатель в уголовно-правовом значении. Иуда — архетип разрыва, онтологическая катастрофа, при которой «свой» перестает быть «своим», сохраняя все внешние признаки принадлежности. Иуда — тот, кто целует Учителя и выдает его. Петр Щедровицкий целовал русскую философию — и выдал ее. Он говорил от ее имени — и предал ее. Он использовал ее авторитет — чтобы легитимировать бегство от нее.

Критика методологического разума, предпринятая в настоящей работе, есть попытка вернуть разговору о мышлении то, что методология из него изъяла: вопрос о правде. Не об инструментальной истине, которая проверяется эффективностью. Не о верифицируемом знании, которое обслуживает управленческие задачи. А о той самой правде, которую искали герои Щедровицкого — Лосский, Франк, Бердяев, Шестов. О правде, которая не обслуживает, а обязывает. О правде, за которую идут на смерть.

Петр Щедровицкий в своих героях эту правду не разглядел. Или разглядел, но методологически отбросил как ненужный артефакт прошлого. И тогда случилось то, что случилось: философ, вооруженный методологией, оказался безоружен перед собственным выбором. Мышление, оторванное от бытия, привело к небытию. Разум, утративший способность к благоговению, породил чудовищную пустоту, в которой исчезло все: Родина, долг, совесть.

Методология, как и любое орудие, может служить разным целям. Но когда она становится самоцелью, когда она заменяет собой все остальное — тогда орудие оборачивается против своего владельца. Петр Щедровицкий хотел быть творцом «искусственной истории». Он ею и стал — персонажем собственного концепта, трагическим доказательством его правоты. История, творимая по законам методологического разума, оказалась историей предательства.

Русская философия, которую он так тщательно препарировал, всегда искала правду, а не инструментальную истину. Правду, которая обязывает. Правду, за которую идут на смерть. Эту правду Петр Щедровицкий в своих героях так и не разглядел. Или разглядел, но методологически отбросил как ненужный артефакт прошлого.

Интеллектуальный Суд над методологическим разумом состоялся. Приговор обжалованию не подлежит.

Ключевые термины анализа

Представленные термины фиксируют не столько словарные дефиниции, сколько **концептуальные узлы** — те смысловые образования, вокруг которых строится аргументация как самого Петра Щедровицкого, так и критический анализ его позиции. Понимание этих терминов необходимо для адекватного прочтения статьи, поскольку

автор (П.Г. Щедровицкий) часто использует философскую лексику предшественников, наделяя ее инструментальным, методологическим значением, отличным от исходного бытийственного контекста русской философии.

I. Методологические и системные понятия (ядро аппарата П.Г. Щедровицкого)

1. Системомыследеятельностная методология (СМД-методология)

Направление философско-методологической мысли, созданное Г.П. Щедровицким и развиваемое Московским методологическим кружком. Рассматривает мышление не как отражение действительности, а как деятельность, которая сама конструирует реальность. В интерпретации П.Г. Щедровицкого СМД-методология превращается в универсальный инструмент («технику») анализа любых мыслительных процессов, включая историко-философские. Ключевая особенность: установка на **рефлексивное дистанцирование** от объекта исследования, что позволяет рассматривать философские системы прошлого как материал для методологических упражнений.

2. Мыследеятельность

Базовое понятие СМД-подхода, обозначающее неразрывное единство мысли и действия. В отличие от классической теории познания, где мышление предшествует действию, здесь акцент сделан на том, что подлинное мышление всегда уже есть деятельность по преобразованию реальности. Для П.Г. Щедровицкого это понятие служит мостом к оправданию «искусственной истории»: мыслитель не просто созерцает, но творит.

3. Самоопределение

Центральная категория анализа П.Г. Щедровицкого, вынесенная в подзаголовок его текста. У мыслителя оно понимается как сознательный и ответственный акт выбора мыслителем своей позиции относительно исторического процесса, культурной традиции и социальной реальности. Однако в критической оптике данного исследования **самоопределение** предстает как симулякр выбора: декларируемая свобода на деле оборачивается произвольным конструированием идентичности, не связанной узлами бытийственной принадлежности (народу, стране, культуре).

4. Рефлексивная позиция / «Позиция над схваткой»

Состояние мыслителя, который, владея методологическими техниками, занимает внешнюю позицию наблюдателя по отношению к любым процессам – историческим, политическим, экзистенциальным. В методологии это считается достоинством. В критическом анализе выявляется амбивалентность такой позиции: она позволяет видеть «механизмы», но делает невозможным со-бытие, со-страдание, со-участие. Именно эта позиция, как показано в статье, позволила П.Г. Щедровицкому в момент национальной катастрофы не «быть с народом», а «наблюдать за народом».

II. Историсофские и политические категории

5. Естественная история

Понятие, восходящее к марксистской традиции и переосмысленное Г.П. Щедровицким в его лекциях 1969 года [18]. Обозначает стихийное течение исторического процесса, возникающее как равнодействующая миллиардов частных волей и интересов («броуновское движение») людей-атомов). Это история, в которой люди действуют, но не осознают истинных результатов своих действий. В марксистской парадигме – объективный, закономерный процесс.

6. Искусственная история

Ключевой концепт, вокруг которого строится вся аргументация П.Г. Щедровицкого.

Согласно его отцу, наряду с «естественной» существует история, творимая «идеологами», «реформаторами», «великими личностями», которые ставят перед собой не частные, а всеобщие цели и сознательно вмешиваются в ход событий. Для П.Г. Щедровицкого это становится легитимацией права интеллектуала на произвольное конструирование реальности вне связи с народной жизнью. В критическом анализе **искусственная история** предстает как философское обоснование элитарного произвола и отрыва от почвы.

7. Идеолог (в специфическом щедровицком смысле)

Не пропагандист и не партийный функционер, как в советской традиции, а творец «искусственной истории», мыслитель, способный формулировать всеобщие цели и увлекать за собой массы. П.Г. Щедровицкий, вслед за Г.П. Щедровицким и через анализ Богданова [20], формирует образ идеолога как «инженера истории», стоящего над обществом. Именно в этой роли он, по-видимому, видит и самого себя – как методолога, конструирующего реальность для «масс».

8. Подавление философии / Разгром философии

Исторический феномен 1920–1930-х годов в СССР, детально разбираемый П.Г. Щедровицким через работы Яхота и Огурцова [21, 22]. Указывает на процесс, в ходе которого живая философская мысль была подменена идеологией, а философы – подвергнуты репрессиям. В контексте данного исследования этот концепт важен как травматический опыт, сформировавший у интеллигенции (и у П.Г. Щедровицкого как ее наследника) устойчивое недоверие к государству как к силе, враждебной свободной мысли. Этот страх, спроецированный на современную Россию, становится одним из мотивов бегства в страну НАТО.

III. Философские категории (в трактовке П.Г. Щедровицкого)

9. Научное мировоззрение (В.И. Вернадский)

В интерпретации Вернадского [35] – динамичная, исторически развивающаяся картина мира, формируемая наукой в тесном взаимодействии с философией, религией и искусством. П.Г. Щедровицкий, извлекая это понятие из контекста, акцентирует в нем конструктивный, деятельностный аспект: научное мировоззрение не отражает мир, а организует его познание, подчиняя единым методологическим принципам.

10. Умозрение (Н.О. Лосский)

У Лосского [30] – высшая форма интуитивного познания, направленная на идеальные основы бытия, на целостное постижение мира. П.Г. Щедровицкий редуцирует это понятие до «интеллектуальной интуиции», способной схватывать системные связи. Бытийственный, мистический аспект умозрения (особенно в части познания Абсолюта) остается за скобками.

11. Тектология / Организационная наука (А.А. Богданов)

Универсальная наука о законах организации любых систем – от физических до социальных и мыслительных [61]. Для П.Г. Щедровицкого тектология – важнейший предшественник СМД-методологии. Из нее он заимствует представление о пластичности мира, о возможности и необходимости его переорганизации, о том, что «дезорганизованное целое практически меньше суммы своих частей» – то есть мир принципиально улучшаем путем вмешательства.

12. Философия как учение о цельном мировоззрении (С.Л. Франк)

Франк [27] определяет философию как науку, призванную дать рационально обоснованное цельное мировоззрение, в отличие от хаотичного набора знаний. П.Г.

Щедровицкий акцентирует именно задачу **построения** системы, «научного обоснования» цельности, опуская, что для Франка целостность укоренена в живом религиозном опыте и интуиции Абсолюта.

IV. Критические понятия (авторские концепты данного исследования)

13. Методологический разум

Понятие, вводимое в настоящей статье по аналогии с кантовским «чистым разумом», но с обратным знаком. Если для Канта разум имеет трансцендентальные основания и стремится к постижению безусловного, то **методологический разум** – это способность мыслить мир исключительно как материал для конструирования, видеть во всем «механизмы», «техники» и «инструменты». Это разум, утративший способность к благоговению, любви и жертве. Именно гипертрофия методологического разума, как показано в статье, ведет к предательству.

14. Дезертирство метафизическое

Понятие, фиксирующее не физическое бегство с поля боя (хотя и оно имеет место), а более глубокий акт – уход из бытийственного пространства собственного народа. Это отказ от со-бытия, от разделения общей исторической судьбы, от онтологической укорененности в родной почве. В случае П.Г. Щедровицкого метафизическое дезертирство было совершено задолго до отъезда в Латвию – в момент, когда он утвердился в позиции методолога, для которого Россия стала лишь «объектом» анализа.

15. Интеллектуальный коллаборационизм

Сознательное использование интеллектуального капитала, накопленного благодаря принадлежности к русской культуре и науке, для работы против политических интересов России в момент военной угрозы. В отличие от диссидентства советского периода, которое имело внутреннюю моральную мотивацию (борьбу за правду), коллаборационизм предполагает ориентацию на внешнего актора и игру на геополитическом поле противника.

16. Предательство (в метафизическом смысле)

Центральное понятие критической части исследования. Понимается не как уголовно-правовой акт (хотя действия, подпадающие под статью об измене Родине, могут иметь место), а как **онтологический разрыв** – утрата внутренней связи с бытием своего народа, своей культуры, своей истории. Это состояние, в котором человек перестает быть частью «мы» и превращается в изолированное «я», для которого судьба целого становится безразличной или враждебной.

V. Имена собственные как понятия

17. Зиновьев vs Щедровицкий

В анализе П.Г. Щедровицкого эти имена становятся символами двух стратегий: **Зиновьев** – страдающий аналитик, изгой, обличающий «человейник» извне, но прикованный к нему своей болью; **Щедровицкий (Г.П.)** – конструктор, создающий новый язык и новые реальности, мыслящий себя не критиком старого мира, а творцом нового. Петр Щедровицкий, как показано в статье, самоопределяется по второму типу, не замечая, что «конструктор» без «страдальца» рискует стать бесчувственным технократом.

18. Иуда

В контексте статьи используется не как конфессиональное ругательство, а как философема, обозначающая предельный случай разрыва между учителем и учеником, между общностью и индивидом, между бытием и небытием. Иуда – тот, кто, будучи

своим, перестает быть своим, сохраняя при этом все внешние признаки принадлежности. В этом смысле фигура Иуды становится архетипом метафизического предательства.

VI. Термины, связанные с методологическим движением и ОДИ

19. Организационно-деятельностные игры (ОДИ)

Форма коллективного мышления и деятельности, созданная Г.П. Щедровицким в 1979 году для решения сложных проблем и развития рефлексивных способностей участников. В ОДИ моделируются различные социальные и управленческие ситуации, отрабатываются новые способы мышления и взаимодействия. В период перестройки стали полигоном для отработки механизмов демократизации и выборных процедур [16, 28].

20. Игротехники

Ведущие и модераторы организационно-деятельностных игр, владеющие методологией и техниками рефлексивного управления. В 1980-е годы игротехники рассматривали себя как «инженеров перестройки» или «прогрессоров», призванных изменить мышление советской элиты [30].

21. Прогрессоры / Инженеры перестройки

Самоидентификация методологов и игротехников в период перестройки, восходящая к образу «прогрессоров» из фантастической литературы – людей, вмешивающихся в развитие отсталых цивилизаций с целью их ускоренного развития. В применении к советской реальности означало претензию на роль интеллектуального авангарда, способного перестроить общество [30].

22. Методологическое движение

Сообщество исследователей и практиков, сформировавшееся вокруг Московского методологического кружка и продолжающее развивать идеи СМД-методологии. Включает как академических ученых, так и консультантов, работающих в сферах образования, управления и политики. В 1990-е годы пережило коммерциализацию и сращивание с властными структурами [30, 31].

23. Социальная инженерия

Подход к управлению обществом, рассматривающий социальные процессы как материал для проектирования и конструирования. Методологическое движение в значительной степени развивало инструментарий социальной инженерии, что впоследствии привело к критике за пренебрежение этическими и культурными основаниями [30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники: Труды философов и участников дискуссий 1920–1960-х гг.

1. **Бердяев Н.А.** Воля к жизни и воля к культуре / Н.А. Бердяев // Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – Берлин: Обелиск, 1923. – С. 201–220. (Переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 273–284).
2. **Богданов А.А.** Тектология: Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – Кн. 1. – 530 с. (Фрагменты переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 351–361).
3. **Вернадский В.И.** Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – Пг.: Изд-во журнала «Русская мысль», 1922. – 68 с.

4. **Вернадский В.И.** О научном мировоззрении / В.И. Вернадский // Очерки и речи. – Пг.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1922. – Ч. II. – С. 5–42. (Фрагменты переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 305–318).
5. **Завадовский Б.М.** Рец. на кн.: Костычев С.П. О появлении жизни на Земле (Пг., 1921); Вернадский В.И. Начало и вечность жизни (Пг., 1922) / Б.М. Завадовский // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 362–370. (Впервые опублик. в сб.: На переломе, 1923).
6. **Ильин И.А.** Философия и жизнь / И.А. Ильин // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 61–70. (Впервые опублик. отдельным изданием: Берлин, 1923).
7. **Костычев С.П.** О появлении жизни на Земле / С.П. Костычев. – Пг.: Госиздат, 1921. – 156 с. (Серия «Начатки науки», вып. 3).
8. **Лосский Н.О.** Материя и жизнь / Н.О. Лосский. – Берлин: Обелиск, 1923. – 134 с. (Фрагменты переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 329–338).
9. **Лосский Н.О.** Умозрение как метод философии / Н.О. Лосский // Логос. – 1911. – Кн. 1. – С. 56–75. (Переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 146–156).
10. **Минин С.К.** Философию за борт! / С.К. Минин // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 5–6. – С. 122–139. (Переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 62–72).
11. **Скворцов-Степанов И.И.** Исторический материализм и современное естествознание / И.И. Скворцов-Степанов // Гортер Г. Исторический материализм. – М.: Красная новь, 1924. – Прил. – С. 165–198. (Переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 117–126).
12. **Франк С.Л.** Введение в философию в сжатом изложении / С.Л. Франк. – Пг.: Academia, 1922. – 124 с. (Фрагмент «Понятие философии. Взаимоотношение философии и науки» переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 157–163).
13. **Франк С.Л.** Философия и религия / С.Л. Франк // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319–328. (Впервые опублик. отдельной брошюрой: Берлин, 1923).
14. **Челпанов Г.И.** Введение в философию / Г.И. Челпанов. – 7-е изд. – Рига: Культура, 1923. – 280 с. (Фрагменты переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 164–171).
15. **Шестов Л.И.** Власть ключей / Л.И. Шестов. – Берлин: Скифы, 1923. – 287 с. (Фрагменты переизд.: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 216–227; 339–350).
16. **Щедровицкий Г.П.** Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.
17. **Щедровицкий Г.П.** Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах: курс лекций на фак-те психологии МГУ, окт.-нояб. 1966 г. / Г.П. Щедровицкий // Архив Московского методологического кружка. – [Б.м., б.г.].
18. **Щедровицкий Г.П.** Проблемы методологии управления социальными процессами: курс лекций на филос. фак-те МГУ, осенний семестр 1967 г. / Г.П. Щедровицкий. – Арх. № 2426. – [Б.м., б.г.].
19. **Щедровицкий Г.П.** Социологические проблемы и социология сегодня: курс лекций, прочит. летом 1969 г. в с. Ярском под Новосибирском / Г.П. Щедровицкий. – Арх. № 1480. – [Б.м., б.г.].

20. **Щедровицкий Г.П.** Методология социологии: три лекции, прочит. весной 1968 г. на филос. фак-те МГУ / Г.П. Щедровицкий // Архив Московского методологического кружка. – [Б.м., б.г.].
21. **Щедровицкий Г.П.** Интервью 1990 года: ОДИ и политика [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий // Архив методологического движения. – Режим доступа: по запросу.

II. Исследования по истории подавления философии в СССР

22. **Огурцов А.П.** Подавление философии / А.П. Огурцов // Суровая правда народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Правда, 1989. – С. 78–95. (Переизд. фрагментов: На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 77–85).
23. **Яхот И.** Подавление философии в СССР (20–30-е годы) / И. Яхот. – Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1981. – 270 с.
24. **Яхот И.** Подавление философии в СССР (20–30-е годы) / И. Яхот // Вопросы философии. – 1991. – № 9. – С. 44–68; № 10. – С. 58–89; № 11. – С. 72–106. (Переиздание).
25. **Yakhot Y.** The Suppression of Philosophy in the USSR (the 1920s & 1930s) / Y. Yakhot; transl. by F. Choate. – Oak Park, Mich.: Mehring Books, 2012. – 260 p.

III. Работы по истории философских дискуссий (сборники и комментарии)

26. **На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение** / сост. П.В. Алексеев; вступ. ст. В.А. Кувакина. – М.: Политиздат, 1990. – 528 с.
27. **Алексеев П.В.** Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды / П.В. Алексеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.

IV. Работы П.Г. Щедровицкого и материалы о нем

28. **Щедровицкий П.Г.** Зиновьев и Щедровицкий: чему нас может научить опыт самоопределения двух отечественных философов второй половины XX века? [Электронный ресурс] / П.Г. Щедровицкий // Страница в социальной сети VK. – URL: https://vk.com/@shchedrovitskiy_public-33-zinovev-i-schedrovickii-chemu-nas-mozhet-nauchit-opyt-sam (дата обращения: 15.03.2026).
29. **Биография Петра Щедровицкого** [Электронный ресурс] // Дождь. – 2015. – Режим доступа: <https://tvrain.ru> (дата обращения: 15.03.2026).
30. **Жежко-Браун И.В.** Игровое движение ДО и ПОСЛЕ перестройки / И.В. Жежко-Браун // Философские науки. – 2023. – № 4. – С. 112–128.
31. **Морозов А.** Жмых путинизма [Электронный ресурс] / А. Морозов // [Colta.ru](https://colta.ru). – 2023. – Режим доступа: <https://www.colta.ru> (дата обращения: 15.03.2026)